

УДК 81'373:811.161.1:81'374"17/19"(575.2)(04)

ИЗУЧЕНИЕ КАТЕГОРИИ ОЦЕНКИ В ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Л.Ю. Мирзоева

Рассмотрен процесс формирования лингвистических представлений о категории оценки в русском языкознании XIX–XX вв.

Ключевые слова: оценочность; пейоративность; мелиоративность; персуазивная оценка; оценочная шкала, диминутивы.

Изучение оценки как языковой категории и рассмотрение вопроса об экспрессивности, реализующейся в речи при помощи средств выражения оценки, имеет весьма своеобразную историю. До XIX в. каких-либо существенных замечаний, связанных с оценочностью как языковой категорией, нами не обнаружено (безусловно, оценка как явление философское рассматривалось, в частности, в теоретических работах М.В. Ломоносова, но о ее лингвистической специфике речь в то время не велась). Как свидетельствует ряд источников, рассмотренных нами, в XIX – начале XX вв. русские языковеды концентрировали внимание в основном на том аспекте оценочности, который связан с четкой формальной выраженностью, т.е. на диминутивах. Этому есть причины: явление, имеющее четкое формальное выражение, значительно проще соотносится с определенной частью оценочной шкалы, в отличие от неформализованных оценочных значений, имплицитно представленных в семантике слов. Наиболее интенсивно изучались так называемые “уменьшительные” и “увеличительные” суффиксы, или, в соответствии с терминологией Г.П. Павского и Н.И. Греча, – окончания. Изучение оценочной лексики как системы в XIX в. практически не велось; точнее, сводилось к возможно более точному лексикографическому описанию и к определению пейоративности/мелиоративности и различных оттенков оценочного спектра. Безусловно, это связано с приматом формы в изучении языка, что было характерно для русского языкознания XIX в. Углубленный интерес лингвистов к достоверностным квалификациям (персуазивным оценкам) проявился значительно позднее, что, возможно, связано и с более поздним формированием этого пласта

оценочных средств, точнее, с более поздней кристаллизацией в формах.

Субъективно-оценочные образования, по свидетельству исследователей, были характерны уже для языка “старорусского периода”, где они имели в основном умалительно-уничижительное значение и этим противопоставлялись другим оценочным именам...” [1: 137]. И. Мандельштам, исследуя формализованное выражение оценки, отмечает, что подобные оценочные средства имели место уже в языке XII в. Что же касается персуазивных оценок и специализированных на их выражении модальных слов, то, как указывает В.А. Ицкович, основная масса их распространяется в литературе на протяжении XVIII в. [2: 111]. Р.А. Каримова, анализируя процесс возникновения и вхождения отдельных достоверностных квалификаций в литературный язык, акцентирует внимание на том, что, например, “вводное слово *видно* появляется во второй половине XVIII в., вводное слово *вероятно*, тоже выражающее предположение, также начинает употребляться позднее, на грани XVIII–XIX вв.”, что подтверждается данными словарей. С большой долей приближения в числе данных оценочных средств можно считать самой ранней достоверностную квалификацию *кажется*, появившуюся на рубеже XVII–XVIII вв. в результате преобразования безличного предикативного оборота. Аналогичен генезис персуазивно оценочного значения в слове *разумеется*. Интересен упомянутый Г.О. Винокуром факт, свидетельствующий о позднем проникновении средств выражения персуазивной оценки в литературный язык: критика выговаривала Пушкину за антипоэтичность по поводу известного места в “Бахчисарайском фонтане”: “Символ, конечно,

дерзновенный”. В “Благонамеренном” писали: “Конечно принадлежит к таким словам, которые в поэзию вводить опасно” [2: 27].

Несколько позже вопрос о происхождении и категориальной природе средств выражения персуазивной оценки был затронут К.С. Аксаковым. Так, слово *небось* он возводит к “сокращениям-скороговоркам типа *дай, споди, хошь*, отмечая, что *небось* получило уже значение наречия” [3: 530]. В противовес позиции Ф.И. Буслаева, который усматривал предикативность в словах *вероятно, верно*, считая их аналогами безличных глаголов, К.С. Аксаков находит, что они в качестве оценочных единиц сопредельны “первообразной форме” типа *хорошо, славно, прекрасно*, что акцентирует внимание на их аксиологической природе.

Вопрос о специфике достоверностных значений ставился и в “Опыте общесравнительной грамматики русского языка” И.И. Давыдова, где отмечается экстерииоризация “трех степеней убеждения говорящего лица”, выражаемых тремя наклонениями. “Кроме наклонений, к тому же служат некоторые наречия, придаваемые сказуемому для действительности: *точно, подлинно, действительно*; для возможности: *может быть, ведь, авось, едва ли, вероятно*; для необходимости: *непрерывно, должно быть, знать, видно, стало быть*” [4: 282]. Хотя средства выражения персуазивной оценки подведены Давыдовым под рубрики модальностей действительности, возможности и необходимости, даже в этих рамках налицо преобладание “отрицательного спектра”, т.е. значений недостоверности.

В “Пространной грамматике” Н.И. Греча в процессе описания форм со значением субъективной оценки отмечается, что “имена увеличительные всегда заключают в себе и постороннее понятие о безобразии, неуклюжести предмета, а уменьшительные иногда показывают предмет малым, ничтожным и презрительным..., иногда же выражают, что оный, по малости своей, красив и приятен... В первом случае можно назвать оные *уничжижительными*, в последнем *приветственными* или *смягчительными*” [5: 232]. В этом замечании особый интерес представляет, во-первых, констатация соотнесенности “количественных” значений и пейоративных/мелиоративных квалификаций, и, во-вторых, признание потенциальной оценочной амбивалентности уменьшительных значений. Важным является и то, что Н.И. Греч отмечает связь аксиологических и функционально-стилистических характеристик слова, затрагивая при этом вопрос

о месте оценочных средств в функционально-стилистической системе: “Именем увеличительным предмет представляется больше обыкновенного, с присовокуплением к тому постороннего смысла неуклюжести, презрительности и т.п. Сии имена употребляются только в языке низком и простонародном...” И так, несмотря на обращение преимущественно к формализованным оценочным средствам, вольно или невольно уже в XIX в. исследователи обращали внимание на семантику оценочных единиц, при этом аксиологическая составляющая воспринималась именно как часть семантики, а не как своеобразная прагматическая надстройка.

В характеристике, которая дается данному классу оценочных средств в “Русской грамматике” А.Х. Востокова, также имеет место сопряжение количественного и оценочного значений. Там, где Н.И. Греч оперирует в основном эстетическими понятиями *красота/безобразия*, А.Х. Востоков использует операторы общей оценки: “предмет может быть представлен в лучшем или худшем имени против обыкновенного, к выражению чего и служат производные имена...” [6: 18]. Замечания о “грубости” и “нескладности” переводят в эстетическую плоскость лишь негативные оценки, причем автор “Русской грамматики” особо акцентирует внимание на стилистической принадлежности оценочных средств и производимом ими экспрессивном эффекте. Отмечена А.Х. Востоковым и потенциальная амбивалентность изначально мелиоративных уменьшительных (с одной стороны, в их составе выделены пейоративные уничижительные и мелиоративные смягчительные и ласкательные). Соотнесенность оценочного и функционально-стилистического компонентов в прагматической структуре слова отмечена исследователем в плане стилистической градации: “Представление *увеличительное, смягчительное, ласкательное и уничижительное* принадлежат к просторечию, уменьшительное же в собственном смысле употребительно и в важной речи...” [6: 19]. Важно отметить, что отдельные замечания, касающиеся семантики персуазивных СВО, выявлены нами и в “Русской грамматике” А.Х. Востокова, и в “Пространной русской грамматике” Н.И. Греча. В частности, Н.И. Греч рассматривает оценочные средства такого рода в числе “наречий, определяющих *свойство и образ* бытия предмета”; таким образом подчеркнута аксиологическая составляющая семантики данных единиц. Дается и их классификация: Н.И. Греч подразделяет их на слова “с утверждением: *подлинно,*

истинно, неоспоримо, точно, непременно” и с “показанием возможности: *может быть, авось, вероятно, чуть ли, едва ли, вряд* и проч.”

В определении, данном А.Х. Востоковым, отмечена специфика данных единиц как достоверностных квалификаций; кроме того, А.Х. Востоков предпринимает попытку разграничить средства выражения достоверностных значений и средства выражения значений недостоверности: “Наречия, определяющие подлинность действия или состояния, суть: вопросительные, утвердительные (*подлинно, истинно, в самом деле, действительно и пр.*); предположительные (*авось, может быть, никак, едва ли, чуть, вряд ли...*”

Рассматривая историю вопроса и затрагивая проблему исследования персуазивных оценок, нельзя не обратиться к “Синтаксису русского языка” А.А. Шахматова, где акцент ставится именно на том, что “они вносят в предложение определенное значение, видоизменяя так или иначе сказуемое предложения...” [7: 265]. Приведенная характеристика является верной прежде всего в отношении СВО персуазивного характера: именно они, характеризуя содержащуюся в высказывании информацию по отношению к плану достоверности/недостоверности, вносят в него дополнительное значение.

Данная особенность персуазивных СВО отмечается и в работах В.В. Вноградова, где прослеживается четко выраженное представление о единой экспрессивной основе всех оценочных явлений, как персуазивного плана с характерной для них двойной модальной рамкой, так и собственно аксиологических.

Тем не менее, в истории исследования оценки наблюдается известный приоритет, отдаваемый собственно аксиологическим СВО. Возвращаясь к рассмотрению с этих позиций работ лингвистов XIX в., обратимся к работам Г.П. Павского, которые могут считаться знаковыми для развития лингвистической теории оценки.

В “Филологических наблюдениях над составом русского языка” Г. Павского мы также находим замечания об оценочном характере форм выражения субъективного отношения. Констатируя преимущественно пейоративную направленность “увеличительных” имен, исследователь обращает внимание и на аналитическое выражение значения увеличительности, не содержащего оценочных оттенков: “Увеличительные слоги прикладываются к существительным именам не столько для того, чтобы возвышать достоинство предмета, сколько для того, чтобы показать его массивность и величину, дохо-

дящую иногда до безобразия. Когда, например, хотим обозначить величину дома без насмешки и презрения, тогда говорим *большой дом*, а именами *домище* и *домина* выражаем презрение к неуклюжей величине дома...” [8: 159]. В “Филологических наблюдениях” также акцентируется внимание на способности уменьшительных имен выражать и положительную, и отрицательную оценку, т.е., говоря современным языком, на их амбивалентности: “Уменьшительные имена допущены в наш язык с разными целями. Иногда изображается ими просто малость предмета или маловажность его без отношения к другим подобным. Иногда просто из презрения, а иногда из ласки и вежливости стараемся представить и не малую вещь в уменьшительном виде... Иногда уменьшительное имя выражает меньшее достоинство, количество или вообще меньший вид лица или вещи в сравнении с другими” [8: 141]. Замечания о функционально-стилистической специфике средств оценки, высказанные Г.П. Павским, во многом сходны с предшествующими: “Естьли окончаниями *ище, ина* и возвышаем иногда предмет, то это бывает только в фамилярной речи” (Там же). Особый интерес в плане формирования научного взгляда на аксиологическую специфику лексических средств языка представляют те разделы “Филологических наблюдений”, где затрагиваются вопросы формирования экспрессивности в процессе образования оценочных имен. Так, о существительных актантажного характера типа *болтун, врун, говорун* говорится: “Замечательно, что имена сей породы чаще производятся от глаголов, изображающих низкие действия и болезненные и неприятные явления, происходящие от движения и звука. Естьли же в корне глагола нет ничего низкого, то это вносится в имена окончанием *ун*. Так, в глаголах *петь, говорить* нет ничего унижительного, но имена *певун и говорун* изображают лица, не отличающиеся пением и разговором” [8: 141]. В современной лингвистике получило дальнейшее развитие и замечание Г.П. Павского об акцентологическом разграничении пейоративного и мелиоративного значений, выраженных эксплицитно при помощи диминутивных образований: “Слова этой породы с окончанием *-ушка*, когда ими изображаются лица женского пола, гений языка разделит надвое посредством ударения. Те имена, в которых уменьшительное окончание *-ушка(юшка)* служит к унижению, имеют ударение на слогах *уш, юш*, а те, в которых оно служит просто уменьшительным, и притом ласковым, имеют ударение на первом слоге” [8: 141]. Таким

образом, уже в XIX в. получило развитие представление о многоуровневом характере системы средств оценки. Связь оценки и нормы рассматривается, в частности, Я. К. Гротом, который считает нарушение родовой соотнесенности, т.е. отклонение от нормы в сфере использования грамматического средства, причиной появления прагматически индуцируемых негативно оценочных смыслов. Имплицитно заложенное здесь понимание генетической связи экспрессии, формируемой средствами выражения оценки, и отклонения от нормы в дальнейшем будет развито в работах лингвистов XX в. (см., в частности, работы В.И. Болотова, усматривавшего прямую связь эмоционального воздействия текста и ненормативности языкового выражения).

И. Мандельштам, продолжая данную тенденцию в исследовании СВО, отмечает, что первичным является генезис значений пейоративных, т.е. их формирование на основе значений уменьшительных; и лишь позднее за данными СВО закрепляются значения, соотносимые с мелиоративным полюсом шкалы оценок: “С категорией имен уменьшительных, выражающих унижение лиц, стоит в связи категория названий, характеризующих человека с отрицательной стороны. Присоединением к нему уменьшительного суффикса передается оттенок презрения: *пьянчуга, воршишка* и т.п.” [9: 42]. Исследователь развивает уже представленное в лингвистике XIX в. положение о системном характере оценочности; так, например, приводимый им фактический материал свидетельствует о том, что данное явление охватывает практически всю систему знаменательных частей речи. Так, наряду с оценочными формами существительных и прилагательных в русском языке отмечается наличие уменьшительных глагольных форм, которые “кажутся вечно живыми, не способными окаменеть”. Это формы типа *истоньки, спатоньки*. По И. Мандельштаму, данные вечно живые формы “способны выражать всегда наличность ласки потому, что эти уменьшительные глаголы употребляются *почти единственно* в народной речи в применении к детям, к милым, к малым” (Там же: 60). Помимо замечания об амбивалентности СВО (“над значением ложится отношение говорящего: то симпатии, то антипатии в зависимости от содержания слова”), в данном исследовании отмечена и их полифункциональность: И. Мандельштам указывает, что посредством СВО могут выражаться “во-первых, понятие об увеличении меры малости и связанных с сим представлений; во-вторых, представление

об увеличении (расширении) объема понятия; в-третьих, представление об усилении меры качества; в-четвертых, представление о сравнительно большей определенности при отрицании наличности чего-либо” [9: 317]. Симптоматично, что уже в XIX в. отмечается возможность использования оценочных средств как “замечательных орудий мысли в ее оттенках и изгибах, которая оживляется и обновляется постоянно...” И.И. Давыдов также акцентирует внимание на *системной* связи оценочности и экспрессивности, в ряде случаев программируемой в языке: “приветственные, уничижительные и пр. (именно – Л.М.) также составляют одно из особенных свойств нашего языка. От этого именно происходит в языке гибкость, по которой он бывает способен к важности и игривости, к величию и нежности” [4: 447]. При рассмотрении истории формирования взглядов на лингвистическую категорию оценки необходимо обратиться также к работам А.А. Шахматова и В.В. Виноградова. Акцентируем внимание на том, что сам термин “категория субъективной оценки” появляется впервые в “Синтаксисе русского языка” А.А. Шахматова; при этом оценочность рассматривается именно как системное явление, а не просто как совокупность отдельных, спорадически реализующихся в речи средств выражения оценочного отношения говорящего. Так, например, рассматривая приложения, А.А. Шахматов выделяет особо те из них, которые “содержат ласкательный или бранный эпитет”, признавая, таким образом, “права гражданства” собственно акологических оценок и в сфере синтаксиса. Выше уже говорилось о позиции А.А. Шахматова по отношению к персуазивным СВО.

Завершая краткий экскурс в историю исследования оценочности как языковой категории, отметим, что в лингвостилистических исследованиях В.В. Виноградова оценочность выступает как один из стилеобразующих факторов; более того, им предвосхищено положение, нашедшее развитие в работах конца XX в. о репрезентации характерных черт языковой личности посредством выбора, осуществляемого из всей языковой парадигмы СВО: по В.В. Виноградову, именно распределение света и теней с помощью выразительных речевых средств, экспрессивное движение стилиа, переходы и сочетания экспрессивно-стилевых красок, характер оценок, выражаемых посредством подбора и смены слов и фраз, создают представление об идейной сущности, о вкусах и характере творческой личности художника.

Литература

1. *Шейдаева С.Г.* История грамматического развития существительных субъективной оценки: Дисс... канд наук. – Устинов, 2005.
2. *Винокур Г.О.* О языке художественной литературы. – М.: Высшая школа, 1991.
3. *Аксаков К.С.* Опыт русской грамматики // Сочинения филологические. Т.2. Ч. 1. – М., 1875.
4. *Давыдов И.И.* Опыт общесравнительной грамматики русского языка. – СПб, 1852.
5. Пространная русская грамматика, изданная Николаем Гречем. – СПб, 1830.
6. Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же сокращенной грамматики полнее изложенная. – СПб, 1838.
7. *Шахматов А.А.* Синтаксис русского языка. – М.-Л., 1941.
8. *Павский Г.П.* Филологические наблюдения над составом русского языка. Рассуждение второе. – СПб, 1850.
9. *Мандельштам И.* Об уменьшительных суффиксах в русском языке (к истории поэтического стиля) // ЖМНП. – 1903, № 7.